

Решетников Федор Михайлович

**Полное собрание сочинений Ф.М.
Решетникова**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф33

Ф33 **Федор Михайлович Р.**
Полное собрание сочинений Ф.М. Решетникова: Том 2 / Решетников Федор Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 535 с.

ISBN 978-5-519-80642-8

ISBN 978-5-519-80642-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СВОЙ ХЛѢБЪ.

ПРОЛОГЪ.

Май мѣсяцъ 186* года

Часть ночи. Въ городѣ Ильинскѣ и его окрестностяхъ темно. Небо чисто отъ облаковъ и тамъ, вверху, ярко мелькають миллярды звѣздъ съ длинною полосю млечнаго пути. Съ рѣки дуетъ легкій холодный вѣтерокъ; прохладно, но хорошо; пахнетъ весной, и если бы не слякоть, то съ удовольствіемъ можно было бы пройтись по городу, гдѣ почти бѣлая часть оконъ въ деревянныхъ домахъ заперты ставнями, и нигдѣ не видно огня. А еще лучше сидѣть на набережной, слушая плескъ бурливой рѣки, окрики караульныхъ изъ-подъ горы и изъ самого города, и лай собакъ. Кромѣ этого въ самомъ городѣ тишина: повидимому спать всѣ.

Начинаетъ свѣтать. Тихо. Только кое-гдѣ кричатъ мужскіе голоса: «слушай!» одинъ за другимъ — кто теноромъ, кто неопредѣленнымъ голосомъ, и такимъ же манеромъ лаютъ собаки: залаетъ сперва одна собака, за ней другая, потомъ третья, четвертая и наконецъ залаютъ вразъ уже неопредѣленное количество собакъ. Но и этотъ концертъ скоро смолкаетъ, и на нѣсколько минутъ наступаетъ тишина гробовая, изрѣдка, впрочемъ, нарушаемая стукомъ палокъ объ заплоты.

Но вотъ уже обрисовываются дома. На Волгѣ видны лодки съ рыболовами. Вотъ къ берегу пристала лодка. Изъ нея вышли двое мужчинъ — одинъ въ нанковомъ пальто, другой въ халатѣ; у того, на которомъ нанковое пальто, надѣта на головѣ фуражка съ зеленымъ околышемъ и съ кокардой, волосы короткіе, маленькіе усы; у другого на головѣ тоже фуражка, но на ней нѣтъ кокарды и на ногахъ у него нѣтъ сапоговъ, какъ у его товарища, а надѣты рваныя ботинки. Втащивши кое-какъ лодку, они, пошатываясь, пошли въ городъ. Но такъ какъ имъ приходилось подниматься на гору по единственной грязной и крутой дорогѣ, то, если бы не весла, которыми они подпирались, имъ пришлось бы довольно трудно.

сочиненія Ѳ. РѢШЕТНИКОВА, т. II.

Хотя на пути, въ сторонѣ отъ дороги, и стоитъ кабакъ съ вывѣской: «Перепутье», но ихъ не пустили бы туда, да и кабакъ былъ охраняемъ огромной бѣлой собакой, привязанною толстой веревкой къ небольшой будкѣ. Они взошли на площадь, посреди которой стоитъ небольшая церковь, а спереди, на самомъ краю, къ рѣкѣ, насажены двѣ аллеи березъ и тополя, а за церковью, тоже на площади, устроено три деревянныхъ амбара, съ нѣсколькими дверьми въ каждомъ, и нѣсколько небольшихъ открытых лавокъ. Прощедши церковь, они пошли по широкой улицѣ. На углу этой улицы стоитъ пятистѣнная будка и около нея столбъ, по въ ея полукруглыхъ окошкахъ разбиты стекла, а на столбѣ нѣтъ фонаря. Идутъ они и ругаются. Сзади ихъ ѣдетъ кто-то въ телѣгѣ.

— Слушай! — кричитъ на углу пронзительно мужской голосъ, которому вторятъ уже немногіе охрипшіе голоса...

— Кто идетъ? — спрашиваетъ идущихъ съ веслами мужчина въ ситцевомъ халатѣ съ черною трещеткою подъ лѣвою мышкою и съ толстою палкою въ лѣвой рукѣ.

— Я тебѣ дамъ: — кто идетъ! ослѣпъ, что ли? — сказалъ мужчина въ халатѣ.

— А!! много рыбы-то, Кузьма?

— Вся тамъ! — и онъ указалъ рукой по направлению къ рѣкѣ, но размахнулся такъ, что упалъ. Подѣхала телѣга. Въ телѣгѣ лежали березовыя полѣнья, наложенныя на скорую руку; рядомъ съ лошадыю шелъ мужчина въ рваномъ пальто. Всѣ обмѣнялись «добрымъ здоровьемъ», а караульщикъ проговорилъ:

— Попадешься же ты когда-нибудь! У кого спяпалъ!

— Э-э!... Небось, заворуешь! Лѣсу сколь, а рубить не велить. Почемъ понѣ дрова-то? Три!

— Что и говорить: времена нонче куды какъ тяжелы. Вотъ опять гляди кабы желѣзную дорогу не стали строить: тогда по пяти заплаतिшь. Не даромъ я и изъ Егорьевска сюда переселился — раззоръ

одинъ: эта чугуника все къ рукамъ прибрала. Ужъ я смѣкаю, не посоль ли какой отъ чугуники и пожаръ-то у насъ учинилъ: вѣдь тридцать два дома сгорѣло, страсти Господни!

— Вѣда. Вотъ теперь и бани запечатали; караулить велятъ днемъ и ночью... А ты погляди, самъ-то они что дѣлаютъ? Вонъ исправникъ, да казначей и прочіе по улицамъ ѣдутъ—сигары курятъ, а какъ нашъ братъ съ трубкой выйдетъ за ворота—такъ въ полицію тащатъ. Самосуды! Да я, братъ, на сѣнникѣ постоянно съ трубкой спать ложусь и ничего—Богъ хранитъ, потому что я знаю, какъ надо курить.

— Вотъ стало быть, братъ, ты и поджигатель! — проговорила чиновникъ и прибавилъ: — пойдемъ-ка въ полицію.

— Ты еще что за птица?

— Та и птица, что скоро женюсь на дочери впнаго пристава Яковлева.

— Это и видно: у Яковлева-то сегодня крестины, а ваше благородіе и не приглашены видно.

— Дуракъ! приглашали, да не пошелъ, потому что я въ ссорѣ съ головой, а голова приглашенъ кумомъ.

Чиновникъ пошелъ дальше.

— Ты слышалъ?—спросилъ онъ Кузьму.

— Чего?

— Что у пристава крестины?

— А!!

Большіе Кузьма не въ состояніи былъ говорить: онъ шелъ почти съ зажмуренными глазами, упираясь на чиновника.

— Вѣдь это обидно! Я женихъ; онъ выдаетъ за меня Марью, и вдругъ не пригласилъ... Онъ даже скрылъ отъ меня, что у него сегодня крестины. Какъ ты объ этомъ думаешь?.. И какъ это я не узналъ! А еще хожу мимо ихняго дома!

Товарищъ молчалъ.

— Надо на понятный дворъ. Не такъ ли?

— Именно.

— Я сейчасъ обругаю его противъ его же дома.

— Ну... Охота!

— И обругаю! И дворянинъ, а онъ что!.. Я помощникъ бухгалтера въ казначействѣ, а онъ подъ судъ отданъ за старую службу. У него теперь десятая родилась; пусть-ка онъ вырастетъ... Нынче, братъ, должность не скоро получишь, а женишковъ и подавно хорошихъ не скоро найдешь. Я ему утру носъ-то... Видишь?—и чиновникъ остановился.

Направо противъ ихъ, черезъ дорогу, стоитъ девятиконный каменный домъ. Половина верхняго этажа освѣщена, въ четырехъ окнахъ мелькаютъ тѣни, а изъ пятаго, отвореннаго, слышится пискъ двухъ скрипковъ. Изъ двора слышится ржаніе лошадей.

— Видишь?—произнесъ злобно чиновникъ: — танцуютъ, на скрипкѣ пилать... А я-то что же такое?

Кузьма очнулся, глянулъ на домъ и промывчалъ что-то.

— Нѣтъ, ты пойми: какъ они безъ меня могли? Теперь Машка съ казначеемъ танцуетъ... Пойдемъ!

— Куда?

— Къ нимъ.

— О-охъ, вы полунощники! Велика бѣда, что не пригласили!.. Оно еще къ лучшему: у васъ, поди, и на зубокъ-то нечего положить, — проговорила женщина, сидящая съ трещоткой у воротъ трехъ-оконнаго низенькаго деревяннаго дома, около котораго стояли чиновникъ и Кузьма.

— Ахъ, это ты Зелениха!

— Караулю, батюшка!.. Да вотъ съ этой музыкой, да съ ребятишками своими смучилась: не спятъ, па улицу просятся. А вы, Никандро Ивановичъ, слышали новость?

— Какую?

— А еще женихомъ себя величаете: вѣдь Дарья-то Андреевна убѣжала изъ монастыря. Ихняя кухарка сказывала мнѣ сегодня. Самъ-то письмо отъ пугуменъ получилъ. Вотъ что-съ!..

— Неужели?

— Вратъ, что ли, стану! Сегодня вечеромъ мнѣ даже ихній дворникъ сказывалъ. Всѣ, говорить, какъ узнали объ этомъ — письмо, слышь, получили — чуть не перегрызлись.

— Странно... Какъ же говорили, что она уже въ монашкахъ?

— Вотъ то-то, что они васъ хотѣли надуть!

— Ну, ты ужъ, пожалуйста! Я вѣдь и...—И онъ замахнулся.

— Мнѣ все равно; только врядъ ли вы много получите въ приданое! Вотъ вамъ лучше бы на Дарьѣ Андреевнѣ жениться...

— Ты думаешь?

— Да еще не пойдетъ.

— Почему?

— Потому что она умнѣе и бойчѣе васъ.

— Ну, братъ... Да ее, поди, и на домъ не пустятъ.

— Богъ ее знаетъ. Говорятъ, она беременна ужъ.

— Что-о ты!! Вотъ тебѣ и покорно благодарю!!

— Ей-Богу... И я этого не ожидала, а жалко! Если она сюда пріѣдетъ... Да нѣтъ, нельзя!

— Да, можетъ-быть, это враки; можетъ, мачиха нарочно разславляетъ.

— А можетъ-быть. Только я думаю, какъ она жить будетъ? Она еще передъ отъѣздомъ говорила мнѣ, что ей хочется работать. Но если это такъ, такъ это одна дурь: попробовала бы она поработать по-нашему... Свой-то хлѣбъ о-ѣе какъ тяжело достается!

Отворились ворота; изъ двора выѣхали гости, мужчины и дамы. Въ домъ погасили огни, заперли окна. Пока гости выѣзжали, чиновникъ ушелъ во дворъ. Стало порядочно свѣтло. За выѣздомъ гостей, крестя ротъ и зѣвая, ушла спать и Зелениха. Вдругъ послышался съ рѣки свистъ парохода, а черезъ полчаса на улицѣ, по направленію къ яковлевскому дому, шла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ сѣренькомъ бурнусѣ, въ круглой шляпкѣ и съ большимъ узломъ.

I

Городъ Ильинскъ расположенъ въ полуверстѣ отъ рѣки Волги на лѣвомъ ея берегу, на возвышенномъ мѣстѣ. Въ немъ, съ достовѣрностью можно сказать, жило въ описываемое время не больше шести ты-

сячь жителей обоого пола и были двѣ церкви и кладбище. Затѣмъ онъ ничѣмъ не знаменитъ, но какъ городъ старинный, извѣстенъ тѣмъ, что много разъ выгоралъ.

По наружности своей онъ мало чѣмъ отличается отъ другихъ маленькихъ русскихъ городовъ. Каменныхъ домовъ въ немъ штукъ восемь,—остальное строеніе, за исключеніемъ церквей, деревянное. Но за то у рѣдкаго дома нѣтъ садика. Трогуары существуютъ только у двухъ большихъ домовъ; ночью улицы не освѣщаются, кромѣ праздниковъ, когда обыватели ходятъ въ церковь; на крышахъ домовъ стоятъ кадки, большею частью пустыя и разохшіяся; на окнахъ непремѣнно красуются бабки съ какимъ-нибудь цвѣтами и растеніями. Оживленія немного, кромѣ субботы, когда каждый изъ жителей запасается провизіей на рынокъ на всю недѣлю. Хотя кое-гдѣ и стоятъ столбы, по фонарей на нихъ нѣтъ; фонари эти красуются только во время пріѣзда въ городъ губернатора, а потомъ исчезаютъ снова. Сверхъ того, городъ оживляется по утрамъ и вообще въ то время, когда мальчишки идутъ въ училища—уѣздныя и приходскія (свѣтскія) и обратно, и служащій людъ стремится на службу и со службы, да по вечерамъ въ хорошіе лѣтніе дни, когда любители сильныхъ ощущений прохаживаются на берегу рѣки по аллеѣ, а другіе, почти все населеніе, высыпаютъ за ворота съ какой-нибудь легкой работой, съ яблоками или грушами, ѣдятъ, курятъ и толкуютъ о своей бѣдности, о плутняхъ купцовъ и должностныхъ чиновниковъ, и сплетничаютъ другъ на друга. Трудовая, тяжелая жизнь видится по преимуществу только на берегу рѣки, гдѣ складываютъ и откуда увозить черезъ городъ разные товары; въ самомъ же городѣ, кромѣ трехъ-четырехъ кузницъ, ни фабрикъ, ни заводовъ не существуетъ; даже рѣдко можно увидать новый строящійся или старый поправляемый домъ. Городъ самъ ничего не производитъ, а только потребляетъ для себя то, что достанетъ на своей площади изъ амбаровъ-магазиновъ, или изъ другихъ городовъ, болѣе его развитыхъ въ промышленномъ отношеніи. Впрочемъ сады даютъ фрукты, пчелы — медъ и воскъ, нѣсколько человѣкъ разводятъ табакъ и дѣлаютъ его удобнымъ для куренія и нюханія; но все это находится въ первобытномъ состояніи и продается на берегу рѣки судорабочимъ и пассажирамъ, а во время ильинской ярмарки на площади и сельскимъ жителямъ въ самомъ небольшомъ количествѣ.

Большинство жителей состоитъ изъ мѣщанъ, меньшинство—изъ купцовъ и лицъ, служащихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Первые большею частью торгаши и люди занимающіеся чѣмъ-нибудь; всѣ роды ремеселъ находятся, за очень небольшимъ исключеніемъ, въ рукахъ мѣщанъ, которые такимъ образомъ кормятся какъ отъ купцовъ, такъ и отъ людей, занимающихся коровною службою, а эти послѣдніе кормятся жалованьемъ и посланными приношеніями купцовъ и мѣщанъ, если только послѣдніе имѣютъ съ первыми дѣловыя сношенія. Большая часть домовъ принадлежитъ купцамъ и мѣщанамъ, самая меньшая—чиновникамъ, потому что купцы наживаютъ капиталъ всякими неправдами, а мѣщане

не гнушаются никакими черными занятіями, и жены ихъ, кромѣ того, снабжаютъ холостыхъ чиновниковъ и небогатыхъ семейства молокомъ и овощами, стираютъ бѣлье, моютъ полы, а нѣкоторыя продаютъ на берегу хлѣбъ. Чиновники же, кромѣ своей службы, ничѣмъ не занимаются и дома имѣютъ тѣ, которые тутъ выросли или получили эти дома въ приданое за женами.

Мѣщане съ давнихъ временъ считаютъ себя силой и въ то же время людьми самыми обиженными. Силой—потому, что они въ прежнія времена защищали не только свой городъ, но и другіе города; униженными—потому, что имъ не давали тѣхъ правъ, какими пользовались чиновники. Но такъ какъ изъ этого положенія выбиться не было возможности, а число ихъ и чиновниковъ съ каждымъ годомъ возрастало, то многимъ изъ нихъ пришлось коротать жизнь очень бѣдно, употребляя въ пищу ржаной хлѣбъ съ пескомъ, мелкую рыбу, горошницу и тертую рѣдьку съ квасомъ, потому что доставать заработокъ приходилось не всѣмъ, и часто хороший поргной сидѣлъ безъ дѣла по недѣлѣ и по двѣ, а рѣдка давала средства только лѣтомъ, рубить же воровски лѣсъ сдѣлалось опасно. Если и бывали порядочные заработки, то деньги уходили на подарки чиновникамъ за дѣла, на угощенія въ большіе праздники, почему многіе мѣщане находились въ кабалѣ у кулаковъ-купцовъ. Кромѣ этого, у рѣдкаго не было коровы, и слѣдовательно приходилось покупать сѣно. По всѣмъ этимъ причинамъ мѣщане очень враждебно относились къ чиновному классу и къ купцамъ, чему много способствовало, во-первыхъ, то, что почти половина мѣщанъ принадлежала къ раскольникамъ, а во-вторыхъ, то, что жительство этихъ раскольниковъ, находившееся къ прежнему времени подъ горой, теперь было занято подъ склады товаровъ. Еще до основанія города, подъ горою была расположена слобода, жители которой, считая себя свободными людьми, занимались преимущественно рыболовствомъ и пивной снабжали хлѣбомъ всѣхъ плававшихъ мимо города людей. Нельзя сказать, чтобы они были миролюбиваго характера. Впослѣдствіи, съ папльвомъ людей служилыхъ и пріѣзжихъ купцовъ они были причислены къ городу и названы мѣщанами. Мало-по-малу, всѣ невзгоды обрушились главнымъ образомъ на нихъ. Отъ нихъ стали требовать и денегъ, и рекрутовъ, и услугъ; купцы же стали эксплуатировать ихъ. Со временемъ, эта вражда усилилась до того, что каждый мальчишъ и дѣвочка изъ слободы видѣли въ городскомъ мальчикѣ или дѣвчкѣ врага. Вообще слободскіе мѣщане слыли чуть-чуть не за разбойниковъ, такъ что черезъ слободу даже днемъ ходить было небезопасно, и если въ городѣ случались кражи и убійства, то это приписывалось имъ. Мало-по-малу однакожъ городскіе купцы и торгаши-мѣщане такъ прижали слобожанъ, что они поневолѣ должны были уступить, и стали пускать въ свои дома на квартиры чиновниковъ и родниться съ ними, но на самомъ дѣлѣ стояло задѣтъ чѣмъ-нибудь одного мѣщанина изъ слободы, какъ поднималась вся слобода, и эта вражда окапчивалась только какимъ-нибудь престольнымъ праздникомъ

въ городѣ, когда горожане изъ послѣднихъ своихъ достатковъ до отвалу кормили и до безчувствія полили своихъ знакомыхъ мѣщанъ изъ слободы. Къ чиновникамъ какъ слободскіе, такъ и городскіе относились не одинаково. Нѣсколько человѣкъ изъ чиновниковъ даже пользовались общимъ расположеніемъ, какъ люди старые и никуда не выѣзжавшіе изъ города. Съ семействами-то этихъ чиновниковъ и роднились мѣщане. Другіе же чиновники состояли изъ пріѣзжихъ, и эти пріѣзжіе никогда не пользовались расположеніемъ мѣщанъ, и если послѣдніе замѣчали, что какой-нибудь изъ пріѣзжихъ ухаживалъ за слободскою дѣвицей, то принимали мѣры, чтобъ у него отпала всякая охота даже проходить черезъ слободу.

Теперь этой слободы нѣтъ и слобожане слились съ горожанами, построивъ на пустопорожнихъ мѣстахъ дома. Со времени уничтоженія слободы по приказу начальства, которому почему-то не понравились ветхіе домики подъ горой, вражда мѣщанъ къ чиновникамъ позрѣла больше. Но за то слобожане, не имѣя возможности властвовать надъ рѣкой, какъ прежде, стали сдержаннѣе и, скрѣпя сердце, занялись ремеслами. Поэтому теперь всѣ роды ремеселъ находятся въ рукахъ мѣщанъ. Если же сюда и заѣзжаетъ какой-нибудь аферистъ, то недолго онъ живетъ въ городѣ, и уѣзжая, не только ничего не наживши, но даже прожизни привезенныя деньги, проклинаетъ Ильинскъ.

Что касается до интеллектуальныхъ удобствъ города Ильинска, то въ немъ существуютъ приходское и уѣздное училища, основанныя за десять лѣтъ до начала настоящаго разсказа. Въ этихъ училищахъ учатся мальчики всѣхъ классовъ, но кончаютъ курсъ только дѣти чиновниковъ, мѣщанскія же дѣти большею частью заканчиваютъ обученіе или приходскимъ училищемъ, или первымъ классомъ уѣзднаго училища, а дѣти купцовъ иногда доходятъ и до второго класса. Для дѣвочекъ училищъ не существуетъ, и поэтому меньшинство ихъ обучается дома.

II.

Въ каждомъ городѣ, большомъ и маленькомъ, значительно и ничего незначащемъ, непременно существуетъ, если не вѣсколько, то по крайней мѣрѣ одинъ домъ, чѣмъ-нибудь отличающійся отъ другихъ. Такъ и въ Ильинскѣ каждый житель знаетъ съизмалѣтства о четырехъ домахъ: о домѣ виннаго пристава Яковлева, о домѣ протопопа Григорія Ивановича Шянкова, братъ котораго и по настоящее время служить гдѣ-то въ санѣ епископа, о домѣ уѣзднаго судьи Крюкова и о домѣ купца Зиновьева. Но изъ всѣхъ этихъ домовъ больше всего извѣстенъ и славится домъ нынѣшняго пристава, назадъ тому два года бывшаго уѣзднымъ стряпчимъ, Андрея Ивановича Яковлева. Домъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе девятью окнами въ верхнемъ этажѣ, какъ съ улицы, такъ и съ площади, съ цвѣтами и съ бутылками на окнахъ, выходящихъ на площадь, и съ разбитыми стеклами въ окнахъ нижняго этажа. Въ окнахъ этого нижняго этажа сдѣланы чугуныя съ рѣзбою рѣшетки. Онъ обращаетъ на себя вниманіе каждого ново-

прибывшаго въ городъ своею высокою деревянною крышею, ничѣмъ не окрашенною, а также своимъ большимъ садомъ и заплотомъ вокругъ него, наверху котораго торчатъ остріемъ вверхъ огромные гвозди. Этотъ домъ никогда не принадлежалъ какому-нибудь графскому или древнему дворянскому роду, такъ какъ въ Ильинскѣ такіа знаменитости рѣдко жила, несмотря на живописные берега, на рѣку и на то, что въ уѣздѣ его есть много дворянъ-помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе это все-таки домъ древній. Говорятъ, что въ немъ прежде жилъ намѣстникъ города и въ нижнемъ этажѣ помѣщалась городская тюрьма, въ которую сажали воровъ и другихъ обвиняемыхъ въ какихъ-нибудь преступленіяхъ людей и изъ другихъ мѣстъ; что эта тюрьма считалась самою крѣпкою не потому, что въ нижнемъ этажѣ были рѣшетки, а потому, что подъ нижнимъ этажемъ находились темные подвалы, куда запирали преступниковъ, которые тамъ большею частью и умирали, не дождавшись суда надъ ними. Послѣ пожара, отъ котораго остались только однѣ стѣны, эти стѣны стояли нетронутыми нѣсколько лѣтъ. Въ пустыхъ площадкахъ на полуразрушившихся печахъ и стѣнахъ обитали голуби, галки и вороны, а деревенскіе жители, не имѣвшіе въ городѣ пристанища, частенько ночевали тамъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; казпа не имѣла средствъ возобновить домъ, со стороны же покупателей на него не находилось. Мало-по-малу горожане стали извлекать изъ него небольшую выгоду: такъ, они выломали рѣшетки и продали ихъ, стаскали печные кирпичи и даже принялись-было за стѣны.

Лѣтъ десять сряду оставленный домъ служилъ для суетѣрныхъ людей источникомъ неисчерпаемыхъ толковъ. Всѣ женщины были убѣждены, что тамъ по ночамъ живутъ кикиморы, что нѣсколько личностей будто бы даже видѣли по ночамъ огни въ домѣ и слышали какую-то пляску; по ночамъ и мужчины боялись ходить мимо дома, а шли другими улицами и переулками; этимъ домомъ пугали дѣтей, и всѣ были убѣждены въ томъ, что не одобровать тому человеку, который купитъ его и постарается на свою голову отдѣлать. Городское начальство даже ходатайствовало о томъ, чтобы эти стѣны сломать, а мѣсто съ фруктовыми деревьями, могущими приносить кое-какой доходъ, поручить надзору полиціи. А между тѣмъ эти опаленныя стѣны у всѣхъ горожанъ были какъ бѣльмо на глазу и съ каждымъ днемъ страхъ болѣе и болѣе увеличивался. Бывали случаи, что въ стѣнахъ этого дома находили скоропостижно умершихъ, и смерть ихъ приписывали чертямъ. Губернское начальство наконецъ отступилось отъ дома; его купилъ купецъ, но умеръ вскорѣ по переѣздѣ въ домъ; семейство купца выѣхало изъ него, заперло его, по тутъ нашелся смѣльчакъ, которому сильно захотѣлось завладѣть домомъ. Это былъ молодой секретарь уѣзднаго суда Яковлевъ. Онъ женился на дочери умершаго купца и, получивъ въ приданое этотъ домъ, уговорилъ судью перевести судъ въ нижній этажъ. Впослѣдствіи онъ туда же пустилъ и земскій судъ. Слухи о чертяхъ прекратились, потому что суды изгнали чертей.

Двѣнадцатый часъ дня. На улицахъ города Ильинска грязно, хотя и печетъ солнышко; грязно оттого, что недавно только-что пересталъ идти большой дождь, который въ какіе-нибудь полтора часа такъ смочилъ песокъ и глину на улицахъ, что нужно было запасаться галошами самыхъ большихъ размѣровъ для того только, чтобы перейти съ одного угла на другой. Но зато, несмотря на сильно грѣющее солнце, у тѣхъ домовъ, у которыхъ есть садики, дышется легче, пахнетъ спреєю или геранью и жасминами, хотя изъ отворенныхъ оконъ тянетъ, какъ изъ открытой печки, жаромъ, съ запахомъ, похожимъ на печеный хлѣбъ. Легкій вѣтерокъ слегка колеблетъ листки деревьевъ, съ которыхъ падаютъ дождевыя капли на идущаго около заплотовъ, и наводятъ не то нѣгу, не то умиленіе, такъ-что если бы въ эту пору случилось идти такимъ образомъ петербургскому жителю, то ему бы подумалось: вотъ она жизнь-то гдѣ настоящая! И ему непременно захотѣлось бы долго-долго наслаждаться этою жизнью, если бы до его слуха не доходили брагчливые голоса изъ маленькихъ домишекъ, населенныхъ мѣщанами и ихъ ворчливыми старухами, крикъ ребяты, бѣгающихъ во дворахъ и посреди улицъ безъ штановъ, босикомъ, и болтающихъ ногами воду въ ручейкахъ, и дополняющія эту картину семейной жизни бродящія по улицамъ свиньи съ поросятами. Такой пѣшеходъ, довольствуясь теплотою, запахомъ отъ цвѣтовъ, легкимъ вѣтеркомъ и голубымъ небомъ, по которому кое-гдѣ еле-еле плывутъ бѣлые тучки съ сѣрымъ оттѣнкомъ, въ эту пору рѣдко кого встрѣтитъ на городскихъ улицахъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ сторожей, идущихъ отъ почтовой конторы куда-нибудь съ книжками или дестеками подъ мышками, да еще какого-нибудь блѣдо-полищаго молодого человѣка въ полиняломъ пальто или сюртукѣ и съ форменной фуражкой на головѣ, изобличающей въ немъ писца.

Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго часа изъ Богородицкой церкви вышелъ сторожъ съ жестяною купелью и дьячокъ въ суконномъ подрясникѣ, опоясанный широкимъ вышитымъ поясомъ, и въ бѣлой поярковой шляпѣ съ широкими полями. Они сѣли на линейку, принадлежащую винному приставу Яковлеву, кучеръ котораго (онъ же и дворникъ) Трифонъ Клементычъ, очень толстый господинъ, съ лысной, длинными черными волосами и большою бородой съ просѣдью—человѣкъ въ городѣ пзвѣстный и уважаемый всѣми.

Дьячку рѣдко приходилось ѣздить на линейкѣ; но онъ сидѣлъ важно, съ самодовольствіемъ поглядывая на дома. Къ тому же онъ былъ мужчина рослый, молодой и красивый, съ курчавыми рыжими волосами и только-что начинающей выступать бородкой. Въ городѣ его называли молодымъ, потому что онъ жилъ съ молодою женою въ медовомъ мѣсяцѣ, а самъ говорилъ всѣмъ, что его скоро посвятятъ въ дьяконы, такъ какъ его тестъ дьяконъ переведенъ за голосъ въ губернский городъ, гдѣ и числится при архіерейскомъ хорѣ. Сторожъ, не ѣзжавшій въ линейкахъ, да еще такого туза, какъ бывшаго стряпчаго Яковлева, напротивъ, чувствовалъ себя неловко и готовъ былъ лучше идти по грязи, чѣмъ сидѣть, но его удерживало одно: надежда получить отъ виннаго пристава водки и денегъ за то, что онъ тоже участвовалъ въ привезеніи купели. Кучеръ былъ сердитъ.

Сперва всѣ ѣхали молча. Кучеръ не оглядывался; сторожъ не любилъ разговаривать вообще; дьячокъ ждалъ, пока къ нему не обратятся, такъ какъ онъ считалъ себя выше этихъ людей, по натуре у него была такая, что онъ не могъ молчать долго.

— Клементычъ? А Клементычъ? Много у васъ будетъ гостей?—спросилъ онъ вдругъ кучера.

Кучеръ промолчалъ.

— Что это у васъ нынѣ рѣдко гости бываютъ?—опять спросилъ дьячокъ кучера.

— Будетъ время, и совсѣмъ не будемъ приглашать,—отвѣтилъ кучеръ рѣзко и тономъ обиженного человѣка.

— Что такъ! Али воля?... Да вѣдь у твоего-то барина не было крѣпостныхъ.

— Что же, что не было! Небось! получше кого другого живемъ,—сказалъ кучеръ обидчиво и ткнулъ рукой по направленію къ тому дому, въ которомъ жилъ земскій исправникъ, и продолжалъ:—куда ни позови, вездѣ идти, а у самого двери постоянно на запорѣ.

— Ну, у него жена нѣмка, а нѣмцы вѣдь русскихъ не любятъ.

— Кабы не любили, не ѣздили бы къ намъ. Она какъ ни пріѣдетъ къ намъ, то и дѣло играетъ съ барыней, Мариной Осиповной, въ преферансъ. Нынче ихъ не приглашали—не стоятъ. Марина-то Осиповна ужъ пять недѣль, какъ родила, а эта исправничиха нѣтъ чтобы провѣдать—здорова ли, молъ. Оно и то надо сказать, у нихъ, у господъ, другіе юридки, чѣмъ у насъ; у насъ, у мѣщанъ, попросту: поссоримся и помиримся, а у господъ нѣту этого.

— Разумѣется. Господа люди образованные.

— Кабы мы умѣли писать, и мы бы не уступили. Вонъ, посмотри, письменоводитель у Андрея Ивановича—мѣщанинъ, а орудуетъ всѣми дѣлами: Андрей Ивановичъ знай только подписываетъ.

— Это такъ. Но я подразумеваю все-таки образованіе—ученость; на примѣръ, вотъ хоть бы я: я скоро буду самъ дьякономъ.

Кучеръ отвернулся и съ презрительной улыбкой посмотрѣлъ на дьячка.

— Не вѣришь небось?

Кучеръ, ничего не сказавъ, сталъ торопить лошадей. Дьячокъ обидѣлся и тоже сталъ молчать.

— Нынче Андрей Ивановичъ ужъ не даетъ на свѣчку по гривеннику, какъ прежде, когда былъ стряпчимъ. Нынче онъ и въ кошелекъ кладетъ копеечку, а не серебряный пятачекъ. Оно хотя эти серебряные пятачки бралъ къ себѣ отецъ протопопъ, а все же, значить, у Андрея Ивановича радѣнія было больше!—проговорилъ сторожъ.

— Да, да! Отецъ протопопъ сказывалъ онемедни, что онъ и за исповѣдь сталъ меньше получать отъ виннаго пристава,—проговорилъ въ свою очередь дьячокъ и захохоталъ.

— Вамъ бы все брать! И такъ мы много водки и вина всякаго даримъ. Нынче не тѣ доходы... Вы то разсудите, сколько у Андрея Ивановича дѣтей. На моихъ глазахъ у него сегодня десятую будете крестить,

а до мѣся еще сколько ихъ было крещено! Теперь вотъ у него съ этой дѣвчонкой считается въ живыхъ ровно десять. Ихъ, поди, надо кормить, одѣть, выучить, къ мѣсту пристроить. Я больше васъ знаю его... Вотъ что! Деньги-то вѣдь не съ неба падаютъ!—проговорилъ кучерь.

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь у него двѣ дочери уже пристроены замужъ, третья нынче тоже выйдетъ замужъ, старшій сынъ становымъ, другой тоже, поди, поступилъ на службу, третій служить въ Сибири, а Дарья Андревна въ монастырѣ...

— Ну, такъ что! Не ваше дѣло считать... Нынче ставовые не то, что прежде; нынче завелись слѣдователи, а Дарья Андреевичъ такъ и слѣдуетъ жить въ монастырѣ.

Черезъ пять минутъ они вѣхали во дворъ яковлевскаго дома.

Домъ выходилъ во дворъ большимъ прямымъ угломъ и имѣлъ въ нижнемъ этажѣ три крыльца; штукатурка со стѣнъ во многихъ мѣстахъ отвалилась, и на этихъ мѣстахъ некрасиво обозначились почерпѣлыя отъ времени дранки, такъ что по одному взгляду на стѣны можно было заключить, какъ старъ этотъ домъ. Въ трехъ верхнихъ окнахъ, самыхъ крайнихъ, къ амбару, въ которомъ помѣщаются погребъ, каретникъ, жлѣя для коровъ и проч., видны какіе-то пѣкты въ банкахъ, коробочки, принадлежащія, какъ кажется, женщинамъ, и кисейныя занавѣски; на четырехъ окнахъ, ближнихъ къ углу, занавѣсокъ нѣтъ, а на каждомъ стоятъ по двѣ большихъ бутылки. Изъ этихъ оконъ слышится серебристый звонкій разговоръ, принадлежащій женскимъ голосамъ. На подоконникахъ остальныхъ оконъ, какъ внизу, такъ и вверху, замѣчаются кипы бумагъ, большихъ кнѣгъ съ рваными корешками и верхними корками, оттопырившимися отъ песка, ежедневно по нѣскольку разъ попадающему на страницы при засыпаніи чернилъ. Вверху замѣчаются два человѣка, разговаривающихъ у окна; оба они въ форменныхъ сюртукахъ со свѣтлыми пуговицами; внизу у оконъ сидятъ у столовъ писцы. На среднемъ крыльцѣ трое служащихъ курятъ папироски. При видѣ линейки всѣ эти люди начали острить кто надъ кучеромъ, кто надъ дѣлкомъ, но больше всего доставалось сторожу. Но лучше всего было взглянуть направо: тамъ, черезъ сажень отъ воротъ, начиналась деревянная фигурчатая, выкрашенная голубою краскою рѣшетка, которая тянулась вплоть до заднихъ построекъ и соединялась такимъ образомъ съ садомъ. За этой рѣшеткой, на разстояніи пяти сажень ширины и десяти длины, разведенъ садикъ, въ которомъ двѣ прямыхъ аллеи. Посреди этихъ аллей сдѣлано нѣсколько неправильныхъ дорожекъ, усыпанныхъ мелкимъ голешникомъ, а около нихъ, на кругахъ и трехугольникахъ, цвѣтутъ желтые, голубые и малиновые цвѣты. Недалеко отъ заплота, выходящаго на улицу противъ входа въ палисадникъ, построена небольшая бесѣдка, вокругъ которой растетъ восемь тополевыхъ деревьевъ, топкихъ, но высоко поднимающихся кверху. Въ этомъ палисадникѣ чирикаютъ птички. Во дворѣ чисто, хотя и бѣгаетъ нѣсколько курицъ съ двумя пѣтухами, которыхъ безпрерывно гоняетъ съ мѣста

четырехлѣтній здоровый мальчикъ, одѣтый по-господски. Недалеко отъ каретника стоитъ большая повозка съ кожаными накладкой и фартукомъ.

Приѣхавшихъ встрѣтилъ самъ хозяинъ. Это былъ невысокаго роста плотный, здоровый и еще красивый мужчина, несмотря на свои пятьдесятъ шесть лѣтъ, такъ что, взглянувъ на него, ему можно было дать не болѣе 45-ти. Лицо у него широкое, полное, съ желтыми и съ оттѣнкомъ небольшой красноты щеками, гладко выбритыми. Онъ улыбался; голубые глаза глядѣли привѣтливо; такъ и казалось, что это самое добрейшее существо въ мірѣ, но въ глазахъ замѣчалась сосредоточенность, точно онъ всю жизнь или занимался книгами и письмомъ, или что-нибудь обдумывалъ; лобъ широкій, съ бѣлымъ отливомъ, гладкій, но на немъ, какъ бы вслѣдствіе какого-то горя, замѣчается небольшая полоска по самой серединѣ, надъ носомъ; волосы сѣдые, рѣдкіе, зачесаны гладко на виски; на темени небольшая лысина. Одѣтъ онъ въ вицмундиръ, съ околышемъ министерства финансовъ и съ мѣдными пуговицами, на коихъ красуются гербы той губерніи, къ которой принадлежитъ городъ Ильинскъ. На вицмундирѣ прилѣплены: пряжки за XXV лѣтъ, медаль въ память послѣдней войны, а на шеѣ орденъ Станислава.

Зала имѣла бы вполне казарменный видъ, если бы на каждомъ изъ трехъ оконъ не стояли банки съ разными цвѣтами. Стѣны были просто обѣлены; около нихъ стояли стулья съ рѣшетками; посрединѣ комнаты стоялъ круглый столъ, покрытый вязаною бѣлою скатертью; въ переднемъ углу, подъ большими кіутами въ серебряныхъ позолоченныхъ окладахъ, стоялъ мраморный столъ, на которомъ находился маленькій образъ съ золотымъ окладомъ и лежали библія, требникъ и псалтирь, такъ какъ въ этой залѣ регулярно каждое утро, передъ обѣдомъ, уклонно и послѣ нихъ, а также передъ сномъ, все наличное семейство Яковлева должно было справлять молитвы по очереди, то-есть по требнику и псалтирю долженъ былъ читать кто-нибудь изъ дѣтей определенное число молитвъ. Зала повидимому находилась въ серединѣ дома, такъ какъ по правую и по лѣвую его сторону были двери, изъ коихъ первая была отперта, а другая заперта, и отъ одной до другой двери черезъ всю залу на крашенномъ желтомъ, отчасти уже чершеюся краскою полу былъ постланъ въ поларшина ширины зеленый коверъ.

Изъ гостей больше всѣхъ выдавался протопопъ Сергѣй Ивановичъ Третьяковъ, отецъ умершей второй жены Яковлева. Онъ высокъ, худощавъ, съ большою лысиною, которую обрамляютъ коротенькіе, рѣдкіе пучки сѣдыхъ волосъ; эти волосы, вмѣстѣ съ коротенькою, рѣдкою сѣдою бородою, придаютъ лицу еще болѣе бѣлизны и затемняютъ совсѣмъ отцвѣтшіе, когда-то каріе глаза. Въ его лицѣ, улыбкѣ и глазахъ замѣтна простота и добродушіе. Онъ часто кашляетъ, говоритъ охриплымъ голосомъ и когда открываетъ ротъ, то въ немъ, вмѣсто зубовъ, видятся однѣ только пожелтѣвшія десны; голова немножко трясется. Онъ очень любитъ вступать въ споры, не любитъ никому уступать и сердится, если кто-нибудь не представитъ фактовъ, а говоритъ

только по убѣжденію. У него на головѣ малиноваго плиса камиллавка, которая уже давнымъ давно отцвѣла, такъ какъ онъ получилъ ее уже годовъ двадцать тому назадъ и съ тѣхъ поръ носить только въ экстренныхъ случаяхъ, — въ другіе же дни надѣваетъ простую шляпу. На немъ черная плисовая ряса, надѣваемая тоже въ экстренныхъ случаяхъ. Въ дополненіе къ этому надо прибавить, что онъ держитъ въ рукахъ толстую дубоваго дерева трость, оправленную подъ лакъ съ крючкомъ вмѣсто набалдашника. Безъ этой трости онъ не ходитъ никуда: она для него единственный другъ, она для него страсть, какъ табакъ, собака и т. п. Онъ имѣетъ семьдесятъ лѣтъ отъ роду, состоитъ за штатомъ, вдовъ, дѣтей не имѣетъ.

Другая личность, менѣе обращающая на себя вниманіе, это Осипъ Флорычъ Зиновьевъ, отецъ теперешней жены Яковлева — Марины Осиповны. Онъ высокъ ростомъ, очень толстъ, съ одутловатымъ, жирно-краснымъ лицомъ, точно испытывающимъ цѣлые дни холодъ. Борода и волосы у него черные, лоснящіеся, глаза плутовато-хитрые; вообще во всей его фигурѣ проглядываетъ мѣщанинъ-гостинодворецъ. Онъ считается въ городѣ первымъ купцомъ, и хотя платитъ только вторую гильдію, но по капиталу и по каверзамъ, творимымъ имъ, могъ бы смѣло записаться въ первую. Въ настоящее время онъ занимаетъ въ городѣ должность городского головы и состоитъ старостой въ Богородицкой церкви. Одѣтъ онъ въ длиннополой сюртукъ съ двумя рядами свѣтлыхъ пуговицъ и съ медалью на шеѣ. Сидитъ рядомъ съ протопопомъ Третьяковымъ, развалившись на стулѣ, и постоянно обращается только къ нему и къ хозяйну, на другихъ же смотритъ свысока и отвѣчаетъ нехотя, какъ будто стараясь показать, что онъ человѣкъ имъ не парный, и если говорить съ ними, то единственно изъ расположенія къ хозяйну, своему зятю, къ которому онъ пожалуй тоже не очень-то много имѣетъ уваженія.

Напротивъ протопопа, по другую сторону стола, сидѣлъ Осипъ Андреечъ Яковлевъ, старшій сынъ хозяина, становой приставъ перваго стана Ильинскаго уѣзда, плотный, высокій и краснощекий молодой человѣкъ съ длинными черными волосами, густыми усами и съ голубыми глазами. Въ его движеніяхъ замѣчается вертлявость, доходящая до того, что онъ не прочь и пофиглярничать; иногда онъ глядитъ по-кошачьи, но не бросается на противника, а встряхиваетъ волоса и съ взглядомъ, выражающимъ затаенную злобу, отворачивается, вздыхаетъ и вновь старается придать глазамъ невозмутимое спокойствіе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые долго помнятъ нанесенное имъ оскорбленіе, за что его не любили какъ товарищи по училищу, такъ и сослуживцы, и даже недолголюбивало начальство, видѣвшее въ немъ заносчиваго человѣка, нерѣдко обращавшагося со своими жалобами, помимо ближайшаго начальства, прямо къ губернатору, который, считая себя прогрессистомъ, любилъ молодыхъ чиновниковъ съ новымъ направленіемъ, но безъ вольнодумства. Вообще онъ былъ на хорошемъ счету, какъ полицейскій дѣятель, скоро раскрывавшій слѣдствія, и хотя съ введеніемъ

судебныхъ слѣдователей дѣла у него поубавилось, но работы все-таки было много, такъ какъ съ освобожденіемъ крестьянъ ему приходилось играть роль исполнительнаго и усмирительнаго полицейскаго дѣятеля. Впрочемъ, въ крестьянскомъ кругу его не считали варваромъ, потому что онъ на крестьянъ кричалъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, не дрался, какъ дрались его товарищи, не пьянствовалъ, а былъ со всѣми вѣжливъ, хотя и принималъ подчасъ довольно крутыя мѣры; но крестьяне его не любили и несли ему въ подарокъ послѣднее свое состояніе, которое онъ, по новой модѣ, принималъ по настоятельной просьбѣ дарившаго.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Викторъ Осипычъ, сынъ Зиновьева, только что записавшійся въ кунцы молодой съ блѣдноистощеннымъ лицомъ мужичи, узкими карими заспавшими глазами, выражавшими апатичное состояніе и съ большими ушами, въ одномъ изъ которыхъ — правомъ — постоянно носилъ золотую сережку, похожую на кольцо. Онъ ведетъ себя очень смиренно, тупо, съ разинутымъ ртомъ, смотритъ то на отца протопопа, то на сосѣда, то въ отворенную дверь, и если сосѣдъ обращается къ нему со словомъ, онъ разбѣгаетъ моментально ротъ, показываетъ два ряда почернѣвшихъ отъ табаку зубовъ и начинаетъ испуганно мигать глазами, и успокоится и приметъ прежнее положеніе только тогда, когда его оставить. Однако, сосѣдъ его, Осипъ Андреечъ, выросшій и даже учившійся съ нимъ до втораго класса уѣзднаго училища, да и самъ батюшка, Осипъ Флорычъ, знаютъ его не такимъ. При отцѣ и у родни онъ держитъ себя смирнѣе агнца, скоро хмелѣетъ до того, что его незамѣтно отъ родителя или отъ хозяина уводятъ спать, не играетъ въ карты и вообще ведетъ себя, какъ неопытный мальчишъ (ему 21 годъ); поужно увидать его за Волгой. Уже не тотъ тамъ Викторъ Осипычъ! И откуда тамъ появляется тогда разной молодежи — мѣщанъ, купеческихъ сынковъ и чиновниковъ съ молодыми женщинами сомнительной наружности и легкаго поведенія. Пьянство идетъ страшное, орутъ пѣсни, безобразничаютъ, и стоитъ въ это время горожанину выйти на берегъ, чтобы сказать: «а, это Витька съ цѣпи сорвался!» Однако, удовольствія эти ему помнились долго, потому что родители, несмотря на совершеннолѣтіе, подвергали его въ своей конюшнѣ тѣлесному наказанію. Въ городѣ Викторъ Осиповича считали за погибшаго человѣка, забытаго; дѣвицы считали его необразованнымъ за то, что онъ не умѣлъ по-свѣтски разговаривать, и отзывались объ немъ, что у него *моченое* лицо.

По другую сторону Зиновьева, за другимъ столомъ, сидѣли уѣздный судья Алексѣй Николаевичъ Крюковъ, высокій, художавый, съ впадинами бѣлыми щечками старикъ, съ остриженными подъ гребенку сѣдыми волосами. Взглядъ у него суровый, такъ что люди, видѣвшіе его въ первый разъ, называли его крысой, но люди, знающіе его ближе, отзываются объ немъ, какъ о самомъ добрейшемъ существѣ, боящемся даже убить муху, и удивляются, какимъ образомъ такой добрый человѣкъ можетъ подписывать приговоры подсудимымъ. При этомъ надо замѣтить, что судья уже нѣсколько лѣтъ глухъ на лѣвое ухо,

и потому въ разговорахъ постоянно поворачиваетъ къ говорящимъ съ нимъ правое ухо, накладывая за него правую ладонь. Вотъ почему и теперь онъ обращается больше въ сторону Зиновьева и протопопа, и рѣдко оборачивается въ сторону сидящихъ съ нимъ рядомъ по лѣвую руку казначея Викентья Мордарыча Чечелибухина и земскаго исправника Ильи Ивановича Давыдова, которые разговариваютъ большею частью другъ съ другомъ.

Изъ компанъ по лѣвую сторону слышались женскіе голоса на разные тоны и чей-то охриплый мужской голосъ, вторившій имъ; по временамъ раздавался смѣхъ одной или двухъ женщинъ или всѣхъ разомъ. Хозяинъ и гости вели дружественную, по пустую бесѣду, иначе сказать—переливали изъ пустого въ порожнее.

— А у насъ въ уѣздѣ скоро будутъ двѣ новыя личности: мировой посредникъ и судебный слѣдователь,—говорилъ кто-то Осипу Андреичу.

— Гм!

— Что, нравится вамъ это?

— Мнѣ все равно... Конечно дѣла прибавятся больше, потому что обоимъ придется наставлять,—самодовольно отвѣчалъ молодой Яковлевъ.

— А-а, не нравится!

— Много денегъ у казны—вотъ что! Къ чему эти слѣдователи?—не понимаю. Ну, посредникъ—дѣло другое,—проговорилъ старикъ Зиновьевъ.

— А почему посредники нужны по-вашему?

— Потому что они не даютъ помѣщикамъ много воли.

— А если я самъ помѣщикъ?

— Мнѣ что за дѣло?

— А если мнѣ это не по губѣ?

— Такъ вотъ я и испугался!

— Что вы на это скажете, Осипъ Андреичъ!—обратился исправникъ къ молодому Яковлеву.

Но въ это время въ залу вошелъ изъ другой комнаты въ сопровожденіи дочери Зиновьева, дѣвicy Анисы Осиповны, и жены Осипа Андреича, Мары Антоновны, пожилой, плотный мужчина съ большимъ животомъ, весьма выдающимся впередъ, съ каравымъ, загорѣлымъ отъ ѣзды лицомъ, въ форменномъ фракѣ съ такимъ же воротникомъ и пуговицами, какъ и у Андрея Ивановича, съ двумя крестами на шеѣ и пряжкой за XXX лѣтъ на фракѣ. Вся его фигура изобличала въ немъ жителя губернскаго города и человека, занимающаго важную должность. Онъ, покачиваясь на обѣ стороны, медленно шелъ въ сопровожденіи двухъ дамъ и кланялся проговорилъ:

— Мое почтеніе, господа.

Гости встали, а Осипъ Андреичъ ушелъ въ прихожую. Дамы тоже раскланялись съ гостями и, вмѣстѣ съ важнымъ господиномъ, подошли подлѣ благословеніе къ протопопу. Оказалось, что этотъ господинъ былъ двоюродный братъ Андрея Ивановича, ассессоръ ревизскаго отдѣленія казенной палаты, и пріѣхалъ сюда, подлѣ видомъ свидѣтельства торговли, отдохнуть недѣлку-другую у брата. Зовутъ его Ипполитъ Аполлоповичъ Яковлевъ.

Аниса Осиповна была бы очень красивая дѣвушка, если бы ея лицо не портили веснушки. Въ карихъ

ея глазахъ замѣчалась пылливость, а въ манерахъ не было той застѣнчивости, какая замѣчается у многихъ дѣвушекъ ея лѣтъ; ей съ Рождества минуло только семнадцать. Ея волосы пепельнаго цвѣта были просто зачесаны и даже кой-гдѣ торчали и спалзывали, почему она должна была часто ихъ приглаживать руками; на ней было надѣто простенькое ситцевое платье палеваго цвѣта безъ всякихъ особыхъ украшеній; подлѣ платьемъ не было кринолина, а въ ушахъ она носила серебряныя легонькія сережки. Тѣмъ не менѣе, во всей ея фигурѣ было много хорошаго, такъ что можно было удивляться, какимъ это образомъ у такого родителя, какъ Осипъ Флорычъ Зиновьевъ, могла вырасти такая дочь, если еще при этомъ брался въ соображеніе такой сынъ, какъ Викторъ Осипычъ. Этому обстоятельству въ Ильинскѣ всѣ дивились и единогласно рѣшили, что или отецъ лелѣетъ свою капризную и своенравную дочь для того, чтобы выдать ее за какого-нибудь очень важнаго чиновника въ губернской городъ, или дочь держитъ его въ рукахъ, такъ какъ самъ онъ частенько напивается до безчувствія, ссорится съ женой, отчего эта послѣдняя жалуется всѣмъ, что его вооружаетъ противъ нея дочь его отъ перваго брака. На сколько все это вѣрно, читатель увидитъ дальше.

Совсѣмъ другое была Марья Антоновна, женщина 24 лѣтъ. Она была высока ростомъ, полна, какъ здоровая содержательница постоялаго двора. Лицо у ней продолговатое, носъ, похожій на еврейскій, брови черныя, но глаза разные: правый—карий, а лѣвый—сѣрый, что сразу не замѣчалось, да и Осипъ Андреичъ, какъ онъ самъ говоритъ, узналъ объ этомъ уже тогда, когда объяснился съ ней въ любви и сталъ ее цѣловать. Волосы у нея густые, но къ нимъ на затылокъ, подлѣ сѣтку, она прибавляетъ еще комокъ фальшивыхъ волосъ для придаванія себѣ большей красоты; съ этой же цѣлью она и лицо свое натираетъ мѣломъ. На ней надѣто шелковое съ длиннымъ шлейфомъ платье, и на ногахъ у ней шелковые сапожки. Она часто ужимается губами, какъ бы старалась этимъ придать себѣ грацію, кокетливо встряхиваетъ головой и постоянно поправляетъ свое платье, оборачивая голову назадъ. Такъ и видна въ ней дама, привыкшая бывать въ кругу аристократовъ-поклонниковъ, любящая танцы, и вообще женщина, желающая всѣмъ нравиться.

Какъ женщина, выросшая въ губернскомъ городѣ и считающая себя губернской львицей, она съ шикомъ раскланялась съ гостями, подавъ каждому руку, и въ то же время взглянула на дверь въ прихожую, куда ушелъ ея супругъ; Аниса же Осиповна, поздоровавшись съ гостями, пріѣхала къ брату.

Исправникъ съ казначеемъ начали разспрашивать въ любезностяхъ съ бонтоною дамой. Началось опять переливанье изъ пустого въ порожнее.

— Ты, Осипъ, кажется, скоро заснешь?—спросила шуливо Аниса Осиповна брата.

— Скучно, сестричка,—отвѣтилъ тотъ тихо, но замѣтно было, что онъ очень обрадовался приходу сестры.

— А ты пройдишь по комнатѣ. Да вонъ и хозяйнѣ въ прихожей.

— А вотъ новость-то,—сказалъ старикъ Яковлевъ:—я письмо получилъ и отгадайте, откуда?

— Отъ Даши?

— Нѣтъ.

И Андрей Ивановичъ показалъ на конвертъ.

— Изъ монастыря,—сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Ужъ здорова ли?—вскричала Марѳа Антонова.

— Прочитайте, папаша,—просилъ сынъ.

Андрей Ивановичъ сталъ смотрѣть на конвертъ. Въ это время въ прихожую вошелъ давно ожидаемый протоіерей Григорій Ивановичъ Пьянковъ, толстый, низенькій, годовъ сорока мужчина съ широкимъ лицомъ, надменнымъ взглядомъ въ глазахъ, съ длинными, густыми черными волосами, въ камилавкѣ и съ наперснымъ крестомъ.

— Извините, ради Бога,—опоздалъ. Непріятное извѣстіе получилъ—дядя очень нездоровъ. Надо все сообразить и поскорѣе ѣхать,—проговорилъ Пьянковъ.

— Извините, что побеспокоили васъ,—извинился хозяинъ.

— О, полноте! Малютка какъ... здоровъ?

— Да, да! Прикажите...

— Сдѣлайте одолженіе.

Андрей Ивановичъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ началось крещеніе, въ которомъ дѣвочку называли Анной.

III.

У русскихъ въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ ведется испоконъ вѣка обычай такого рода, что родители не присутствуютъ при крещеніи ребенка, даже крестящій ребенка священникъ выгоняетъ вонъ отца или мать, если они вздумаютъ за чѣмъ-нибудь войти въ ту комнату, гдѣ совершается таинство. Яковлевъ и его жена были люди религіозные, вполне слѣдующіе этому обычаю, и потому все совершеніе таинства проводили въ другихъ комнатахъ. Впрочемъ имъ бы и не выстоять всѣхъ молитвъ, потому что нужно было приготовить для гостей закуску и обѣдъ. Поэтому Андрей Ивановичъ пошелъ распоряжаться насчетъ закуски и обѣда, прогнавъ своихъ дѣтей для того, чтобы положить на зубокъ ребенку рублевую монету. Монеты эти, извѣстно, идутъ въ пользу повивальныхъ бабокъ. А семейство Яковлева было большое. Въ живыхъ у него было съ теперешнимъ ребенкомъ ровно десять, за исключеніемъ отсутствующихъ; теперь находилось на лицо, кромѣ Осипа, дочь Марья 21 года, сынъ Владиміръ 8 лѣтъ и дочь Евлампія 5 лѣтъ. По зову Андрея Ивановича, въ комнату вошли: Марья, дѣвица полная, краснощекая, одѣтая по настоящему случаю въ шелковое платье и вдѣвшая въ уши огромныя сережки; сынъ Владиміръ, мальчикъ болѣзненный, нелюбимый отцомъ, но о которомъ Марина Осиповна часто плакала, думая, что ея любимый сыночекъ того и гляди что умретъ. За ними ушли въ залу двѣ старухи, пріятельницы Марины Осиповны, изъ коихъ одна была жена дьякона, а другая мать разорившагося купца, и жена Зиновьева, Вѣра Петровна, худощавая, съ болѣзненнымъ

лицомъ тридцати лѣтъ женщина, въ косынкѣ на головѣ и въ китайской шали, надѣтой поверхъ люстринового платья.

— Никто еще не былъ?—спросилъ Яковлевъ Марью Андреевну.

— Нѣтъ,—отвѣчала она робко.

— А твой женихъ?

— Вы не посылали за нимъ.

— Вотъ мило! Что онъ за особа, чтобы мнѣ посылать къ нему гонцовъ!

Яковлевъ пошелъ въ столовую. Въ ней было два окна, три шкафа и два стола—одинъ, самый большой—круглый по срединѣ былъ накрытъ бѣлой скатертью и на немъ уже стояли бутылки съ водкой, наливками и виномъ, и разныя холодныя закуски; на другомъ столѣ, что у оконъ, стояла посуда. Сама хозяйка, высокая, толстая женщина, съ бойкими карими глазами, лѣтъ тридцати пяти, съ широкимъ лицомъ, не выражавшимъ ничего особеннаго и мало чѣмъ отличающимся отъ лицъ купеческихъ женъ или женъ чиповниковъ, которымъ не приходится много хлопотать о насущномъ хлѣбѣ. Но по лицу этому все-таки можно было заключить, что эта женщина назадъ тому годовъ десять или двѣнадцать была красавицею,—то-есть красивою на столько, что могла влюбить въ себя мужчину своимъ румянцемъ щекъ, стыдливими взглядами карихъ глазъ, кокетливо-мѣщанскими ужимками алыхъ губъ и большими косами черныхъ волосъ. Такова была хозяйка Марина Осиповна, одѣтая въ настоящую минуту въ шелковое голубое платье и въ кисейномъ чепчикѣ на головѣ. Она отдавала приказанія старухѣ-кухаркѣ и кучеру Трифону, на которомъ теперь былъ надѣтъ старый яковлевскій сюртукъ, манишка, галстухъ и драповыя брюки. Кухарка перетирала посуду, а Трифонъ разставлялъ тарелки по столу.

— Все ли готово?—спросилъ жену Яковлевъ.

— Все. А ты этому пьянчужкѣ Родіонкѣ откажи. Сказала я ему, чтобы пришелъ,—его и нѣтъ. Вѣроятно онъ у тебя укралъ вина,—проговорила недовольно жена.

— Гм! Бестія... Ну, какъ-нибудь... Пошевеливайтесь.

— Тебѣ бы все сейчасъ.

— Ну-ну.

И Андрей Ивановичъ, откупоривъ одну бутылку, налилъ рюмку наливки и подошелъ къ женѣ.

— Ну, поздравляю, Маня!

Супруги поцѣловались; затѣмъ Андрей Ивановичъ вышелъ.

— Отчего ты не пригласилъ Павлова?

— Куда же ему... еще дядя обидится. Мы его позовемъ вечеромъ.

— А я сегодня дѣйствительно огрѣлъ...—началъ было кучеръ, но въ это время вошелъ писмоводитель Андрея Ивановича, Родіонъ Савичъ Деметьевъ, въ рваномъ, запачканномъ грязью сюртукѣ и съ покраснѣвшимъ отъ водки лицомъ. Хотя онъ и старался держаться на ногахъ крѣпко, по его пошатывало. Кучеръ захохоталъ, Марина Осиповна сдѣлалась блѣднѣе, точно приходъ его былъ для нея ка-

кимъ-нибудь несчастіемъ; Андрей же Иванычъ съ усмѣшкой глядѣлъ на Родіона.

— Ну, зачѣмъ ты пришелъ, бестыжіе твои глаза! — напустился на Родіона Трифонъ.

— Не твое дѣло... Андрей Иванычъ... Я точно-что маленько... а я ей-Богу не пьянъ, — началъ невязно Родіонъ.

— Не пьянъ! Ха-ха! А въ полицію хочешь? — сказалъ Андрей Иванычъ.

— Ужъ для такого-то праздника...

— Отправь ты его ради Христа въ полицію, — сказала Марина Осиповна.

— Покорно благодарю... Это значитъ за всѣ услуги...

— Вотъ еще...

— Пойдите, Марина Осиповна!.. Я теперьча называюсь письмоводитель, а прилично ли мнѣ сапоги чистить, бѣлье кухаркѣ колотить на рѣкѣ? Это какъ?

— Молчать! — п Андрей Иванычъ ударилъ Родіонова по щекѣ. Родіоновъ отшатнулся.

— Ты, каналья, еще вздумалъ грубить и въ моихъ глазахъ!.. Я тебѣ что говорилъ сегодня утромъ?.. А? чтобы ты одѣлся почище и приходилъ помочь женѣ... А ты пьянъ! ты грубишь! Вонъ!!

— Простите великодушно!..

— Вонъ!! И не смѣй ко мнѣ показываться. Я уже много тебѣ прощалъ, а теперь ты осмѣлился при мнѣ паговорить дерзостей моей женѣ... Вонъ! чтобы духу твоего здѣсь не было, — говорилъ запыхавшись отъ злости Андрей Иванычъ. Щеки его покраснѣли.

— Пожалуйста мнѣ за полгода жалованье.

— Скажите, какой нахалъ! И это вы, Андрей Иванычъ, полагаете. Пошелъ вонъ, негодяй! — кричала Марина Осиповна.

— У меня жена померла въ десять часовъ, вотъ я и пьянъ — сказалъ Дементьевъ.

— Врешь, врешь! — кричала Марина Осиповна, толкая Дементьева вонъ.

— Я бы тебя отправилъ въ полицію, да не съ кѣмъ, — кричалъ Андрей Иванычъ. Родіоновъ ушелъ, по Андрей Иванычъ нѣсколько минутъ пыталъ, топорщился у двери и обтиралъ лицо шелковымъ коричневымъ цѣпъ платкомъ.

— Экая пьяница! А я на него надѣялся... Дѣлать нечего, ты, Трифонъ, замѣни его мѣсто.

— А если у него въ самомъ дѣлѣ жена умерла? — сказалъ Трифонъ.

— Вреть! не умерла, а онъ ее убилъ... Она постоянно приходила на него жаловаться, что онъ ее бьетъ... Ужъ онъ не укралъ ли у меня что-нибудь... А ты еще защищаешь его! О, охъ вы!! — говорила Марина Осиповна.

Въ это время въ столовую принесли окрещеннаго ребенка. За старухой-бабкой съ ребенкомъ шли: крестный отецъ ребенка, Ипполитъ Аполлоновичъ, крестная мать Марфа Аптоновна, Марья Андреевна и Вѣра Петровна съ двумя старушками. Начались поздравленія; Андрей Иванычъ ушелъ въ залу. Тамъ Пьянковъ сидѣлъ между казначеемъ и Третьяковымъ.

— Да, думаю совсѣмъ убраться отсюда, и вы,

Сергѣй Иванычъ, будете навѣрно рады моему отсутствію, — говорилъ Пьянковъ.

— Чтò мнѣ радоваться: я старъ и давно самъ хотѣлъ на покой, не пускали.

— Полно, старина! — началъ Пьянковъ.

— Пожалуйста! милости прошу!! — говорилъ хозяинъ съ улыбкой.

— Полно вамъ грызться-то изъ-за мѣста! — сказалъ исправникъ и повелъ Третьякова.

— Обидно... — проговорилъ Третьяковъ вполголоса.

— Терпѣть меня не можетъ. Не повѣрите ли: сколько онъ на меня доносилъ, писалъ, — говорилъ также вполголоса Пьянковъ казначею, который на это только развелъ руками.

Всѣ ушли по старшинству. Пьянковъ занялъ предсѣдательское мѣсто, такъ что по обѣ стороны его сидѣли — по правую Третьяковъ, потомъ самъ Андрей Иванычъ, казначей, по лѣвую — Ипполитъ Аполлоновичъ, судья и т. д.; дамы сѣли отдѣльно отъ мужчинъ и по старшинству; Марина Осиповна, какъ хозяйка, за столъ не сѣла, а распоряжалась и упранивала ѣсть и пить; Трифонъ прислуживалъ.

Сначала обѣдъ шелъ неоживленно; говорили только Пьянковъ, Ипполитъ Аполлоновичъ и изрѣдка въ ихъ разговоры вставляли свои мнѣнія самъ хозяинъ, исправникъ и казначей; остальные же ѣли и пили, смотря съ подобострастіемъ то на Пьянкова, то на Ипполита Аполлоновича; хозяйка отвѣчала ужимкою только въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь изъ старшихъ гостей обращался къ ней съ похвалой такому-то кушанью, при чемъ лицо ея прояснялось, и она самодовольно взглядывала на дамъ.

— А вы скоро намѣреваетесь уѣхать отсюда? — спросилъ Пьянковъ Ипполита Аполлоновича.

— Да думаю завтра утромъ.

— Полно вамъ, братецъ. Вы и недѣльки не гостили у насъ, — сказала Марина Осиповна.

— Скучновато здѣсь, — сказалъ Ипполитъ Аполлоновичъ.

— Ну, я думаю, скука-то вездѣ одинакова — чтò здѣсь, то и въ губернскомъ, — сказалъ исправникъ.

— А я съ вами несогласна: въ губернскомъ вечера, танцы... какое общество! — вступилась Марфа Антоновна.

— Я не участвую-съ на подобныхъ вечерахъ; не по карману.

— Ну, полноте, дяденька; вы теперь скоро будете совѣтникомъ и вамъ необходимо будетъ нужно бывать въ дворянскомъ собраніи.

— Ужъ нѣтъ: я старой привычки не переменяю. То ли дѣло въ своей компаніи съ купцами или съ духовными. Меня владыка очень любитъ; я не одного семинариста помогу сдѣлать.

— Да, я знаю... Мнѣ очень пріятно. Отецъ Стефанъ, кажется, получилъ крестъ, — отвѣчалъ Пьянковъ.

— Да, это очень умный молодой человѣкъ. Въ его года, а ему кажется двадцать седьмой, рѣдкіе бываютъ инспекторами семинарій, по крайней мѣрѣ нашей.

— Одно въ немъ, дяденька, скверно: говорить, большой драчунъ, — сказалъ Осипъ Андреевичъ.